

МАРИЯ БАШКИРЦЕВА

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

FOLIO

Ольга Таглина
Мария Башкирцева

«ОМІКО»

2009

Таглина О. В.

Мария Башкирцева / О. В. Таглина — «ОМІКО», 2009

Известная художница Мария Башкирцева родилась в с. Гавронцы Полтавской губернии в достаточно знатной и богатой семье. Вся ее недолгая жизнь (она умерла от туберкулеза) была буквально окутана семейными тайнами. Даже точную дату рождения Башкирцевой удалось установить лишь в 80-е годы XX столетия – раньше считалось, что она родилась на два года позже. Практически постоянно Мария жила во Франции, но при этом много путешествовала по Европе. Всемирную славу Башкирцевой принесли не только картины, представленные сейчас в лучших музеях мира, но и ее «Дневник», который она вела с раннего детства и который свидетельствует о ее незаурядном писательском таланте.

© Таглина О. В., 2009

© ОМІКО, 2009

О. Таглина

Мария Башкирцева

В Париже в одном из залов Люксембургского музея стоит скульптура Лонжелье, выполненная им по заказу французского правительства. Она изображает молодого гения, умирающего у ног ангела смерти, держащего в руках свиток с именами тех выдающихся людей, кто оставил этот мир слишком рано, но обрел бессмертие в истории человечества. Скульптура так и называется – «Бессмертие».

На свитке ангела смерти среди восьми французских – одно славянское женское имя: Мария Башкирцева. В соседних залах находятся две ее картины, и это единственное исключение для музея – здесь представлена коллекция только французской живописи.

Кто же такая Мария Башкирцева? Почему о ней написано множество книг? Почему Марина Цветаева свой первый сборник стихов «Вечерний альбом» посвятила «блестящей памяти Марии Башкирцевой»?

Жизнь этой девушки была такой короткой, но такой яркой, что ее хочется сравнить с блеском молнии. За это мгновение раскрылись ее многочисленные таланты – такие разные и неожиданные.

Сначала о таланте художника. Мария Башкирцева оставила более 150 картин и около 200 рисунков. Большую часть их после двух выставок, устроенных в Париже Французским обществом женщин-художниц, приобрели музеи Франции и Америки. Одна из ее лучших картин, «Митинг», находится в Люксембургском музее Парижа, а в музее Массена в Ницце есть целый отдельный зал ее работ. Несколько картин хранится в Русском музее, Третьяковской галерее, днепропетровском, саратовском, харьковском художественных музеях. И это только то, что сохранилось, потому что много картин художницы погибло в огне Второй мировой войны.

У Марии Башкирцевой был необыкновенный взгляд на мир, ее полотна буквально проникнуты любовью ко всему, что ее окружает, светлой тоской по прекрасному. А кроме того, что она была художницей, Мария превосходно играла на рояле, цитре, арфе, гитаре, обладала выдающимся, редким голосом и незаурядным драматическим талантом. Родившаяся в Полтавской губернии, девушка в совершенстве владела французским языком, а также изучила английский, немецкий, итальянский, древнегреческий и латынь.

Но все же главным трудом ее жизни стал дневник, который Мария начала писать с 12 лет и вела до самой смерти. К концу ее недолгой жизни он насчитывал шестнадцать объемных тетрадей.

В 1887 году, спустя три года после смерти Марии, дневник был впервые издан на французском языке, на котором, собственно, и написан, а затем переведен почти на все европейские языки.

Именно «Дневник» сделал имя Марии Башкирцевой знаменитым. В нем, невероятно откровенном и искреннем, много всего: от детских мечтаний и фантазий до настоящего понимания мира, от невозможности быть до невозможности остаться, от страстного желания славы до понимания всей ее тщетности, от предчувствия любви до ее невероятных глубин.

В 1890 году была опубликована статья премьер-министра Англии Уильяма Гладстона, в которой он назвал «Дневник» Башкирцевой одной из самых замечательных книг XIX века. Марина Цветаева была потрясена этим дневником и писала В. Розанову: «Марию Башкирцеву я люблю безумно, с безумной болью. Я целые два года жила тоской о ней. Она для меня так же жива, как я сама». Валерий Брюсов признавался, что «Башкирцева – это я сам со всеми своими мыслями, убеждениями и мечтами». Илья Репин считал, что «это была исключительная натура».

Правда, нужно сказать, что звучали и иные голоса: говорили «о культе Башкирцевой», о «ярмарке женского тщеславия», о «раздутой знаменитости»... Это двойственное отношение к Марии Башкирцевой сохраняется и по сей день. Надо признать, что и те, кто ею восторгаются, и те, кто ее не принимают и порицают, судят о ней, прежде всего, по ее дневнику. Однако его страницы хранят много тайн. Не так-то просто узнать и понять человека, даже читая его подробный и откровенный рассказ о самом себе. Так что никто не знает и никогда не узнает определенно, какой была Мария Башкирцева на самом деле. Ее дневник может подтвердить любую версию, потому что он соткан из очень противоречивых высказываний, взглядов, описаний событий. На его страницах всегда можно найти цитату, которая подтвердит именно ваше собственное мнение. Но о чем дневник Башкирцевой свидетельствует определенно – это о незаурядном писательском таланте.

В 1891 году были опубликованы письма Марии Башкирцевой, в том числе и ее переписка со знаменитым французским писателем Ги де Мопассаном, который восхищался ею и назвал ее «единственной Розой в его жизни».

Известный французский критик Франсуа Коппе так описал свою единственную встречу с Башкирцевой: «В эту минуту вошла мадемуазель Мари. Я видел ее только раз, я видел ее в течение какого-нибудь часа – и никогда не забуду ее. В свои 23 года она казалась гораздо моложе: небольшого роста, при изящном сложении, лицо круглое, безупречной правильности: золотистые волосы, темные глаза, святящиеся мыслью, горящие желанием все видеть и все знать, губы, выражающие одновременно твердость, доброту и мечтательность, вздрагивающие ноздри дикой лошади. Мадемуазель Башкирцева производила с первого взгляда необычайное впечатление: воли, прячущейся за нежностью, скрытой энергии и грации. Все обличало в этой очаровательной девушке высший ум. Под этой женской прелестью чувствовалась железная, чисто мужская сила...»

Башкирцева была настоящей «амазонкой». Она часто удивляла и даже шокировала людей своим талантом, работоспособностью и независимостью, а также откровенно феминистскими взглядами. В 1881 году под псевдонимом Полин Оррель она написала несколько статей для феминистской газеты *La Citoyenne*, которые вызвали большой интерес публики, прежде всего женской ее части. Впервые женщины могли прочитать невероятные строки, например, такие: «Давайте любить собак, давайте любить только собак! Мужчины и кошки – презренные существа». А в письме Ги де Мопассану Башкирцева писала: «Я никого не ищу, ибо полагаю, что мужчины должны быть аксессуарами в жизни сильных женщин». Понятно, что Мария любила эпатажировать публику, привлекая к себе внимание.

Но не только это делало ее такой притягательной. Мария Башкирцева обладала удивительной особенностью – всюду привносить с собой радость, полноту бытия, жажду жизни, но жизни не простой, не обычной, иной, чем та, которую вели множество окружающих ее людей. Талант, искренность, страстность – вот что притягивало в ней, делало ее особенной и неповторимой.

Сохранились и фотографии и автопортреты Марии Башкирцевой. На них она всегда узнаваема и всегда разная. Такой она была и в жизни – поскольку всегда раскрывалась перед людьми разными сторонами своей души и своего таланта.

Прожившая много лет за границей, она все же не утратила связи со своей родиной и, возможно, поэтому осталась близка людям, живущим в Украине уже в другом веке и другом тысячелетии.

Мария Константиновна Башкирцева родилась в селе Гавронцы Полтавской губернии в достаточно знатной и богатой семье. Точную дату ее рождения удалось установить лишь в 80-е годы XX столетия, когда в Национальной библиотеке Франции был обнаружен оригинальный

текст дневника Башкирцевой, ранее считавшийся утраченным. При его изучении обнаружилось, что Мария родилась 11 ноября 1858-го, а не 1860 года, как полагали ранее.

Детство Марии прошло в селе Черняковка (это были владения полковника Черняка) Полтавской губернии. Поскольку дочь от рождения не отличалась хорошим здоровьем, в десятилетнем возрасте мать увезла ее в Ниццу. С тех пор Башкирцева лишь три раза ненадолго приезжала в Россию, живя постоянно за границей и много путешествуя по Европе.

Но первые годы своей жизни Мария провела в Гавронцах под Полтавой. Это село находилось всего в восьми верстах от знаменитой Диканьки – имения богатого и знатного Кочубея. Почти три года Мария жила в отцовском имении, а затем – в Черняковке, имении деда по материнской линии.

Отец Марии Башкирцевой, Константин Павлович Башкирцев, был сыном Павла Григорьевича Башкирцева, столбового дворянина, генерала Крымской войны, человека храброго и сурового, даже жестокого. У него было пятеро детей: один сын и четыре дочери.

Мать Марии Башкирцевой – Мария Степановна, урожденная Бабанина. Она вышла замуж за Константина Павловича Башкирцева в двадцать один год. Это был брак по любви – до этого Мария Степановна отказалась от нескольких весьма выгодных предложений.

Дед Марии Башкирцевой со стороны матери рассказывал, что их род происходит от татар времен их первого нашествия. Фамилия Бабанин – татарского происхождения, от тюркского слова *баба* – «отец, дед»; это уважительное обращение к почтенному человеку, к старику встречается во многих тюркских языках. Женат был Бабанин на француженке – Жюли Корнелиус, так что Мария Башкирцева была на четверть француженкой.

Семья Бабаниных была большой, в ней росло девять детей, очень разных по характеру. Повзрослев, многие из них вели себя настолько одиозно, что семью всегда преследовали слухи и постоянные судебные разбирательства. Светское общество относилось к Бабаниным настороженно. Например, когда Мария Башкирцева жила в Ницце, то ее не принимала даже родная сестра отца – госпожа Тютчева. Когда девочка родилась, родные называли ее Мусей. Она была всеобщей любимицей, ей позволялось все и даже более того.

У Муси было две гувернантки: русская и француженка. Ее учили французскому языку, игре на рояле, рисованию. Муся часто рисовала, и когда взрослые садились играть в карты, она присаживалась рисовать на зеленом сукне, покрывавшем стол.

Вот как описывает сама Мария Башкирцева свое раннее детство – то, что прошло еще в России: «С тех пор как я сознаю себя – с трехлетнего возраста (меня не отнимали от груди до трех с половиною лет), – все мои мысли и стремления были направлены к какому-то величию. Мои куклы были всегда королями и королевами, все, о чем я сама думала, и все, что говорилось вокруг моей матери, – все это, казалось, имело какое-то отношение к этому величию, которое должно было неизбежно прийти.

В пять лет я одевалась в кружева моей матери, украшала цветами голову и отправлялась танцевать в залу. Я изображала знаменитую танцовщицу Петипа, и весь дом собирался смотреть на меня».

В детстве Муся часто сталкивалась с непростыми отношениями взрослых. Ее русская гувернантка бежала из дома со своим возлюбленным. В дневнике эта история описана так: «Первая (русская гувернантка), о которой я сохранила воспоминание, была некто m-me Мельникова, светская женщина, образованная, романтичная, разъехавшаяся с мужем и сделавшаяся гувернанткой скорее всего по безрассудству, под влиянием чтения бесчисленных романов. Она была другом дома, и с ней обходились, как с равной. Все мужчины за ней ухаживали, и в одно прекрасное утро она бежала после какой-то удивительно романической истории.

У нас в России романтизм в моде. Она могла бы преспокойно проститься и уехать, но славянская натура, приправленная французской цивилизацией и чтением романов, – странная вещь! В качестве несчастной женщины эта дама должна была обожать малютку, порученную

ее попечениям; я же – одной своей склонностью к рисовке уже оплачивала ей, в ее глазах, за это обожание... И семья моя, жадная до всяких приключений, вообразила, что ее отъезд должен был пагубно отозваться на моем здоровье: весь этот день на меня смотрели не иначе, как с состраданием, и я даже подозреваю, что бабушка заказала для меня, в качестве больной, особенный суп. Я чувствовала, что действительно бледнею от этого изливавшегося на меня потока чувствительности...»

Первая встреча с любовной романтикой прошла для Муси, в общем-то, спокойно. Что из того, если кто-то один тебя бросил, ведь вокруг еще много людей, которые тебя не просто любят, а обожают!

Маленькая Муся была худенькой и хиленькой, но родные видели в ней существо, которое, несомненно, неизбежно, обязательно должно было сделаться со временем самым прекрасным созданием!

Однажды мама Марии отправилась к гадалышке-еврею, который сказал ей: «У тебя двое детей, сын будет как все люди, но дочь твоя будет звездой...» Эта звездность обязательно должна была состояться! Именно об этом и надо было мечтать – о славе!

«Но если я ничто, если мне суждено быть ничем, почему эти мечты о славе с тех пор, как я сознаю себя? – пишет Башкирцева в своем дневнике за несколько месяцев до смерти. – И что означают эти вдохновенные порывы к великому, к величию, представлявшемуся мне когда-то в форме богатств и титулов? Почему с тех пор, как я способна связать две мысли, с четырех лет, живет во мне эта потребность в чем-то великом, славном... смутном, но огромном?..

Чем я только не перебивалась в моем детском воображении!.. Сначала я была танцовщицей – знаменитой танцовщицей Петипа, обожаемой Петербургом. Каждый вечер я надевала открытое платье, убирала цветами голову и с серьезнейшим видом танцевала в зале при стечении всей нашей семьи. Потом я была первой певицей в мире. Я пела, аккомпанируя себе на арфе, и меня уносили с триумфом... не знаю кто и куда. Потом я электризовала массы силой моего слова... Император женился на мне, чтобы удержаться на троне, я жила в непосредственном общении с моим народом, я произносила перед ним речи, разъясняя свою политику, и народ был тронут мною до слез... Словом, во всем – во всех направлениях, во всех чувствах и человеческих удовлетворениях – я искала чего-то неправдоподобно великого...»

Но в обычной жизни, как правило, не встречается это «неправдоподобно великое».

Несмотря на то что родители Марии поженились по любви, их семейная жизнь была не очень счастливой, и через два года после свадьбы они разъехались. Дом Башкирцевых пережил много скандалов, и в конце концов мать Муси переехала в имение деда и запретила мужу видеться с дочерью и сыном. Однажды он выкрал их и увез обратно в Гавронцы. Тесть и теща бросились в погоню и вернули детей.

В 1870 году супруги заключили между собой соглашение: брата Муси оставили с отцом, а Муся в сопровождении матери и ее сестры Надин (которая стала Надин Романовой, выйдя замуж за богатого Фаддея Романова) покинула Россию. С отцом Мария встретилась снова только через десять лет.

В мае 1870 года Башкирцевы приехали в Вену и провели в этом городе около месяца, упиваясь новостями, прекрасными магазинами и театрами. В июне они направились в Баден-Баден, где был самый разгар сезона светской жизни. «В Бадене я впервые познала, что такое свет и манеры, и испытала все муки тщеславия, – признается Мария. – У казино собирались группы детей, державшиеся отдельно. Я тотчас же отличила группу шикарных, и моей единственной мечтой стало – примкнуть к ним. Эти ребяташки, обезьянничавшие со взрослых, обратили на нас внимание, и одна маленькая девочка, по имени Берта, подошла и заговорила со мной. Я пришла в такой восторг, что замолочила чепуху, и вся группа подняла меня на смех обиднейшим образом...»

Что происходило с Марией в 1873 году, мы можем узнать по ее дневнику. Позже, в мае 1884 года, Башкирцева напишет в предисловии к нему: «К чему лгать и рисоваться! Да, несомненно, что мое желание, хотя и не надежда, – остаться на земле во что бы то ни стало. Если я не умру молодой, я надеюсь остаться в памяти людей как великая художница, но если я умру молодой, я хотела бы издать свой дневник, который не может не быть интересным.

Во-первых, я очень долго писала, совершенно об этом не думая; а потом – я писала и пишу безусловно искренно именно потому, что надеюсь быть изданной и прочитанной. Если бы эта книга не представляла точной, абсолютной, строгой правды, она не имела бы никакого смысла. И я не только все время говорю то, что думаю, но могу сказать, что никогда, ни на одну минуту не хотела смягчать того, что могло бы выставить меня в смешном или невыгодном свете. Да и, наконец, я для этого слишком высоко ставлю себя. Итак, вы можете быть вполне уверены, благосклонный читатель, что я вся в этих страницах. Быть может, я не представляю достаточного интереса для вас, но не думайте, что это я, думайте, что это просто человек, рассказывающий вам все свои впечатления с самого детства. Это очень интересный человеческий документ. Спросите у Золя, или Гонкура, или Мопассана. Мой дневник начинается с 12 лет, хотя представляет интерес только с 15–16 лет».

Что мы поверяем дневнику в юности, если у нас есть желание это делать? Конечно, свои чувства о любви!

Мария влюбилась, как и полагается в этом возрасте, в человека, которого она лишь несколько раз видела на улице, – в герцога Гамильтона. Он стал ее кумиром. Строки ее дневника твердят, как заклинание: «Господи! Дай мне герцога Г., я буду любить его и сделаю его счастливым, и сама я буду счастлива и буду помогать бедным! Грешно думать, что можно купить милость Бога добрыми делами, но я не знаю, как это выразить.

Я люблю герцога Г. Я не могу сказать ему, что я его люблю, да если бы я и сказала, он не обратил бы никакого внимания. Боже мой, я молю тебя... Когда он был здесь, у меня была цель, чтобы выходить, наряжаться, а теперь!.. Я выходила на террасу в надежде увидеть его издали хоть на одну секунду. Господи, помоги мне в моем горе, я не могу просить большего, услышь же мою молитву. Твоя благость так бесконечна. Твое милосердие так велико. Ты так много сделал для меня!.. Мне тяжело не видеть его на прогулках. Его лицо так выделялось среди вульгарных лиц Ниццы».

Кумир, как и положено кумиру, был прекрасен, благороден и недоступен. Как завоевать его? Конечно, своей красотой, талантом, неповторимостью. «Я создана для триумфов и сильных ощущений, – поэтому лучшее, что я смогу сделать, – это сделаться певицей, – решает Мария. – Если Бог поможет мне сохранить, увеличить и укрепить мой голос, – тогда я могу достигнуть триумфа, которого так жаждет душа моя.

Итак, я могу достигнуть счастья быть знаменитой, известной, обожаемой, и этим путем я могу приобрести того, кого люблю. Такою, какова я теперь, я имею мало надежды на его любовь, он даже не знает о моем существовании. Но когда он увидит меня, окруженную славою!.. Мужчины честолюбивы... И я могу быть принята в свет, потому что я не буду знаменитостью, вышедшей из табачной лавки или грязной улицы. Я благородного происхождения, я не имею необходимости что-нибудь делать, мои средства позволяют мне это, и следовательно мне будет еще легче возвыситься, и я достигну еще большей славы. Тогда жизнь моя будет совершенна. Слава, популярность, известность повсюду – вот мои грезы, мои мечты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.